

А. П. Марков¹

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ МАТРИЦЫ РОССИИ И ЗАПАДА: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Конструктивный и взаимопользительный диалог, в том числе и межкультурный, — это диалог разностей на почве общего (М. М. Бахтин). К сожалению, ценностно-нормативное пространство «общего» в западноевропейской и русской культурах уже несколько веков неуклонно сокращается, блокируя целенаправленные попытки народов понять друг друга. «Зона» непонимания образовалась в двух системообразующих сферах, из которых складывается духовная матрица цивилизации: в модели социально-экономического устройства и в этической концепции человека. Истоки цивилизационного конфликта уходят вглубь веков — в те времена, когда закладывались мировоззренческие основы социально-экономической парадигмы западной цивилизации и формировалось духовное ядро русской культуры.

Безусловно, русская культура изначально формировалась как культура христианская, европейская (о чем неоднократно говорил и писал академик Д. С. Лихачев). Первое и самое глубокое «окно в Европу» было прорублено князем Владимиром — «окно» в духовный мир Византии, откуда на Русь пришла аутентичная, подлинная христианская традиция, органично впитавшая гуманистический пафос и энергетику античной культуры. Более того, русская культура не просто есть разновидность европейской христианской культуры, но ее концентрированное выражение, ее сохранившееся в историческом времени духовное ядро. Именно русская культура смогла сохранить во всемирном масштабе идущий еще со времени Нагорной проповеди Христа этический идеал, который содержится уже в самых ранних литературных текстах². Иными словами, уже на самых ранних этапах формирования русской духовности были заявлены ключевые христианские ценности, на основе которых формировались соответствующие им человеческие качества: любовь, сострадание и прощение, равнодушие к материальному благополучию и человеческая солидарность³.

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор педагогических наук, доктор культурологии, заслуженный деятель науки РФ. Автор ряда научных и учебных публикаций, в т. ч.: «Проектирование маркетинговых коммуникаций. Рекламные технологии. Связи с общественностью. Спонсорская деятельность», «Отечественная культура как предмет культурологии», «Основы социокультурного проектирования», «Становление культурологической парадигмы» и др.

² Уже в «Слове о законе и благодати» первого русского митрополита Иларiona (первая половина XI в.) была заявлена идея духовной самобытности культуры, утверждалась великая христианская ценность свободы личности и отрицание моральной целесообразности закона Ветхого завета («закон Моисеев отошел, а Благодать и истина всю землю исполнили, и вера на все языки простерлась и на наш народ русский»).

³ Д. С. Лихачев показывает, как эта морально-этическая линия позднее получила развитие в русских летописях, в древнерусской иконописи, в агиографической литературе — в любимых народом незатейливых книжечках для се-

русской культура сохранила дух и сущность подлинно христианской культуры (а значит, и подлинно европейской) вопреки всем выпавшим на ее долю соблазнам и тяжким испытаниям (а может быть, и благодаря им).

Культура Западной Европы складывалась, безусловно, как христианская, но со временем она утратила духовную сущность христианства. «Духовной развилкой», где разошлись пути русской и западноевропейской культуры, стали XV–XVI века. Именно в те времена Русь начинает осознавать свою культурную миссию во всемирной истории, суть которой была схвачена формулой: «Москва — Третий Рим»⁴. И уже на основе осознания этой великой миссии «русская идея» впоследствии приобретает государственный, национально-политический характер, успешно решая объединительные и экспансионистские задачи.

Европа примерно того же периода переживает этап реформирования с противоположным вектором движения. Этот период известен как Реформация, которая была обусловлена глубинным духовным кризисом западноевропейской культуры. Именно тогда сформировалась новая идеология (в рамках кальвинизма, протестантизма), составившая основу современной западной цивилизации (видимым толчком для реформ стали пороки церкви позднего средневековья — торговля индульгенциями, продажность, разврат и т. д.).

Ядром социально-экономической парадигмы западной цивилизации стала капиталистическая модель жизнеустройства, которая начала складываться еще в XVI–XVII веках и продолжила свою духовную экспансию в интеллектуальном пространстве Европы XVIII века⁵. Процесс становления и культурной легитимации капиталистической системы носил концептуальный, ценностный, идеологический характер и состоял в принципиальной корректировке (а по сути, в смене) цивилизационного этоса христианской культуры.

мейного чтения описывалось житие православных святых, которые в своей земной биографии максимально полно воплотили христианскую сущность человеческой жизни: любовь и милосердие в отношениях с ближними, свободу как предпосылку выражения божественной природы человеческого духа, нестяжательство и страдание, социальную справедливость и соборность.

⁴ Эта миссия впервые была заявлена в послании псковского инокa Филофея Великому князю московскому Василию: «все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, и это — российское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать».

⁵ Анализ динамики становления капиталистической парадигмы в ее ценностном аспекте содержится в работах польского ученого А. Хиришмана (актуальность идей которого для понимания сегодняшнего цивилизационного кризиса представлена в статье В. П. Макаренко «Теория капитализма: типик социального знания?» (см.: Социологические исследования. 2001. № 3)).

Как известно, в докапиталистических обществах на протяжении многих столетий доминировал героический этос с его идеалом «славы», а стяжательство воспринималось (как в христианской, так и в мусульманской культурах) как грех, признак нравственной неполноценности, удел социальных изгоев. Соответственно, культура того времени торговлю и промышленность воспринимала как воплощение жадности, скупости и жестокости. Согласно М. Веберу, в Новое время на смену «героического этоса» пришел буржуазный этос протестантской этики, который «реабилитировал» торгово-промышленную деятельность, придав ей статус религиозного служения: такого рода занятия стали рассматриваться как достойные христианина.

Корректировка христианской духовной матрицы началась с попыток создать новую теорию государства, более совершенную систему политического управления (Макиавелли, 1469–1527). В их основе лежал пессимистический взгляд на природу человека. Логика размышлений была такова: в своей жизни люди руководствуются страстями, что превращает человеческую историю в цепь бессмысленных жестокостей. История культур и цивилизаций знает два пути обуздания человеческих страстей: путем ужесточения насилия и с помощью моральных ограничений. Но оба варианта в конечном счете не способны конструктивно решить проблему: вера и разум бессильны в своем стремлении обуздать человеческую греховность, а христианская мораль не смогла улучшить «человеческую природу». Значит, надо найти более эффективные методы совершенствования людей и управления обществом. Так начался поиск средств, образующих альтернативу христианской морали. Появился «третий» рецепт, который привел к повороту в социальной мысли: использовать человеческие страсти для достижения «общего блага»¹. В основе «третьего пути» лежала смена критериев моральной оценки человеческих страстей, которым надо было обеспечить культурную легитимацию. Его исходная позиция такова: люди руководствуются эгоизмом, жадной власти, стремлением к наслаждению, корыстью; страсти сильнее веры и разума, они деструктивны по своей природе, порождают главные несчастья человеческого рода: войны, голод и мор. Но справедливый социальный порядок может быть построен на основе взаиморегулирования страстей. Теоретическое «оправдание» страстей началось с рождения идеи о их взаимопозиции, о способности страстей ограничивать друг друга (Бэкон, 1561–1626; Спиноза, 1632–1677). Позже родилась концепция равновесия страстей (Юм, 1711–1776), согласно которой одни страсти (жадность, алчность, корысть) можно использовать для усмирения других страстей — тщеславия, плотских и властных желаний. Так постепенно сложилась теория управления социальным прогрессом посредством «продуманного установления одной стра-

¹ Эти «рецепты» до сих пор образуют основу наиболее распространенных вариантов идеологии, социальной теории и политики.

сти против другой»². Окончательная реабилитация страстей произошла в эпоху Просвещения, которая стала воплощать в жизнь концепцию улучшения мира с помощью страстей, придав последним статус «управляемых интересов» (Юм). Реабилитация страстей выражала оптимистическое представление, прежде всего французских материалистов, о возможности «улучшения и исправления» человеческой природы. Впоследствии идея использования страстей для «общего блага» стала фундаментом политической экономии и стержнем идеологии либерализма.

Главной («привилегированной») страстью стала алчность, которая получила положительную оценку и была наделена способностью обуздывать другие страсти, уравнивать и усмирять деструктивные человеческие импульсы, то есть другие страсти (Гельвеций, 1715–1771). Алчность, которая раньше квалифицировалась как опасная страсть (а в первоначальном христианском контексте — как самая отвратительная, убивающая в человеке его душу), теперь стала свидетельством добродетели индивидов, она получила культурную легитимность и стала господствовать над миром³. И если прежде пиетет перед деньгами и благополучием считался свойством рабов, лакеев и простолюдинов, то теперь страсть к наживе стала залогом «светлого будущего». «Делание денег» было названо «интересом» и стало рассматриваться как стабильная и спокойная страсть, а само понятие «интереса» получило нейтральную моральную оценку и теоретический статус⁴.

Обоснование спасительной роли «интересов» стало главной интеллектуальной тенденцией Нового времени. «Интересы» были отождествлены с материальной выгодой и пользой, то есть с разумом; они стали восприниматься в качестве посредника между страстями и разумом — как пространство свободы от разрушительных страстей и бессильного разума. Сложилось представление о том, что развитие экономики способно улучшить как социальный и политический строй, так и человеческую природу. Со временем моральные оценки перешли в политические постулаты и получили статус онтологических основ и гносеологических принципов социальной философии и политики Нового времени⁵. И эту главную задачу, подчеркивает А. Хиршман, выполнили философы. Социально-политические результаты такой духовной революции значительны: на смену «аристократам духа» пришли люди, стремящиеся к удовлетворению материальных ин-

² См.: Hirschman A. *Namietnosei i interesy: u intelektualnych zrodol kapitalizmu*. Krakow, 1997. С. 34.

³ Слова «страсти» и «жадность» (с отрицательным смыслом) были заменены нейтральными «пользой» и «интересом».

⁴ См.: Hirschman A. *Op. cit.* С. 47.

⁵ Идея «равновесия страстей» затем была использована в политике «отцами-основателями» США и вождями Французской революции для обоснования и реализации принципов разделения власти и социального договора. На этих иллюзиях держится теория и практика демократии и связанная с нею парадигма социальной мысли Нового времени (См.: Hirschman A. *Op. cit.* С. 34).

тересов, — люди, которые ранее были презираемы аристократией (различные социальные маргиналы, из которых сформировались ростовщики, купцы, промышленники); сфера экономики и международной политики вышла из-под контроля разума и христианских принципов морали. Но эта концепция в итоге оказалась для европейской культуры «миной замедленного действия»: в основе интереса оказалась худшая из человеческих страстей — алчность, которая, как показала история, парадоксальным образом резонирует с другими «грехами», поддерживая и стимулируя их антикультурные энергии и проявления. Жизнь показала, что страсти деструктивны по своей сути, и цивилизация, основанная на их утверждении, не имеет перспектив в масштабах исторического времени.

Именно взаимоисключающие векторы ценностной устремленности культурных систем обеспечивали низкую эффективность процессов межкультурного диалога России с западным миром. Оппозиция русской культуры и западной цивилизации как взаимоисключающих систем очевидна: если культура утверждает духовность, социальность, соборность, она стыдлива и греховна, то цивилизация агрессивна и самодостаточна, она не знает стыда и греха; если в культуре действуют моральные регуляторы, то в цивилизации доминирует сила и внешние формы принуждения, основанные на законе. Русская культура, которая была изначально основана на ценностях аутентичного христианства (в его православном варианте), сохраняя свою духовную матрицу на протяжении многих веков, не могла «понять» представителя западного мира с его рациональностью, выгодой, страстью к наживе. «Идеальная» устремленность русского сознания была сущностной ментальной чертой нашего бытия: народ демонстрировал в истории глубинную жажду «космического преображения» жизни, он готов был отдать все свои силы и «положить живот» во имя спасения Святой Руси, защиты Отечества, строительства коммунизма и т. д. Эта идеальная доминанта (и мотивация) была глубоко встроена в духовную матрицу культурного организма. В начале XX века русский народ не захотел строить «капиталистический рай», а взялся за строительство «Царства Божия» на земле, которое он воспринимал не как результат эволюции настоящего, а как чудо космического масштаба. И как только вера в чудо была потеряна, включилась энергия тотального нигилизма и такого же космического саморазрушения. И сегодня только духовно слепые вожди не могут понять простую вещь: русский человек не хочет и не будет строить мир материального благополучия без его идейной основы.

Но с момента «буржуазной революции» 1990-х годов духовная матрица отечественной культуры была подвергнута жесточайшей деструкции: последовательно разрушалась система ее ценностных координат, в том числе и путем некритичного заимствования и насильственного внедрения американизированных экономических и политических моделей, которые зарождались на принципиально иной

ценностно-нормативно почве западноевропейской культуры¹. Погружение народа в «капиталистический рай» стал самоубийственным с точки зрения духовности проектом — утверждаемый и по сегодняшнему дню в теле российской духовности антропологический тип «неоязычника» зародился в недрах западной цивилизации, которая давно уже сменила свою христианскую духовную матрицу и сейчас открыто исповедует финансовый успех, аморализм и гедонистический индивидуализм. Параллельно с утверждением «человека языческого» идет «зачистка» духовно-нравственных основ «русскости». Этот процесс существенно усилился с развитием средств коммуникации и приходом новых эффективных технологий обработки массового сознания, которые активно используются в деле разрушения традиционных моральных норм, размывания представлений о норме и патологии, о добре и зле.

Сегодня капиталистическая модель переживает кризис, который касается не только реальной экономики, но и концептуальных оснований бытия человека и общества. В цивилизационном плане базовая причина кризиса — исчерпанность доминирующей мировой парадигмы: губительные последствия развития капиталистической модели экономики не совместимы с перспективой выживания человечества². «Итоги» капитализма впечатляют: он разрушил европейскую «высокую» культуру, воплотившую великие духовные ценности христианства; изменил антропологический тип человека христианской цивилизации; капитализм во многом определил кризис неевропейских цивилизаций, оказывая «продуктами распада» массовой культуры репрессивное в духовном плане воздействие на сознание и поведение человека «третьего мира». Капиталистическая модель жизнеустройства поставила под угрозу существование человеческой цивилизации в целом: сегодня очевидно, что капиталистический кризис будет протекать в условиях борьбы растущего населения за уменьшающиеся ресурсы (в том числе продовольствие и воду), и неизбежно встанет вопрос о сокращении численности населения, что может поставить на повестку дня вопрос о роде *Homo*³. В контексте происходящего довольно мрачными выглядят перспективы человеческого рода: «Мир доживает последние относительно спокойные десятилетия перед кризисом-матрешкой, аналогов которому не было и который, похоже, сметет не

¹ К сожалению, в последние годы такое заимствование характерно и для сферы образования, которое выступает основным институтом сохранения культуры народа.

² «Управляемая сверху» и «смешанная» экономика также не являются эффективными средствами решения социальных проблем, а потому не могут считаться образцами для подражания (См.: *Hirschman A. Op. cit.*).

³ В то же время отечественные ученые (и особенно представители либеральной интеллигенции) продолжают считать, что беды России — в непоследовательности капиталистического развития. Это свидетельствует о кризисе современного социального знания, которое не в состоянии понять происходящее, описать возможные последствия и предложить модели корректировки.

только капитализм с его сторонниками и противниками, но всю посленеолитическую цивилизацию. И если человечеству удастся, пусть сократившись в численности до 0,5–1,0 млрд пережить его, то новый социум скорее всего будет отличаться от Цивилизации не меньше, чем она отличалась от Палеолита. Некоторые контуры постпереломного мира уже видны»¹.

В настоящее время ответственно мыслящие гуманитарии — как России, так и стран Западной Европы — озабочены пониманием истоков кризиса европейской цивилизации и выработкой новых парадигм бытия человека и общества². И надвигающаяся беда, как это ни парадоксально, становится площадкой для межкультурного диалога и взаимопонимания представителей различных цивилизационных матриц.

¹ *Фурсов А.* Прощальный поклон капитализма. Статья вторая. URL: <http://yablor.ru/blogs/andrey-fursov-konec-tretyey-epohi-4-krizis-bibleyskogo-proekta/728907>

² Либеральные идеологи капиталистической модели оказались в ситуации интеллектуального бессилия объяснить причины экономического кризиса и продолжают настаивать на этой модели как единственно возможной.